

Шестилетний Гарри Поттер стоял на крыше дома Дурслей и наблюдал за тем, как Дадли и его друзья пытаются взобраться на стены, чтобы добраться до него. Он понятия не имел, как он сюда попал, но знал, что это означает, что сегодня он не будет есть, потому что не понимает, что произошло, - значит быть чудаком, а это самое большое преступление, которое можно совершить в доме Дурслей.

Дядя Вернон ясно дал понять, что не потерпит никаких "чужаков" Гарри в своем доме, и любое проявление их будет караться тем, что его заперут в чулане, служившем ему комнатой, или не покормят в этот день. Обычно это сочеталось. Петуния также читала затыкающие уши лекции высоким голосом, который, казалось, никогда не закончится. Среди других преступлений - болтовня за спиной, отставание от их драгоценных "Даддеров" и невыполнение обязанностей по дому, когда ему говорили. Если он сильно злил их, они долго держали руку под горячей водой, пока не становилось так больно, что он чуть не плакал.

Вернон старался, чтобы все знали, что он урод, чтобы никто не захотел с ним дружить. Ему было все равно, что Дадли и его друзья преследуют его и вместе избивают. Он приходил домой весь в синяках и побоях и, как правило, получал неприятности за то, что "начал это".

Гарри не знал, что такого он сделал, чтобы Дадли так его возненавидел; может, просто потому, что он существовал? Но он почти не отнимал внимания тети и дяди, не получал больше подарков, чем Дадли, и у него были бы неприятности, если бы он хоть раз получил более высокую оценку, чем его кузен. Так почему? Почему?

Он столько раз задавал себе этот вопрос. Почему? Почему родители бросили его на произвол судьбы? Почему вокруг него постоянно происходят эти странные вещи? Почему все ненавидят его за эти вещи, которые он, казалось бы, не мог контролировать?

Гарри было грустно и одиноко, но сегодня он был в основном зол.

Петуния и Вернон говорили, что он урод и нарушитель спокойствия. Он понятия не имел, чем заслужил такие слова, но, видимо, так оно и было.

И когда его в последний раз бросили в чулан, в его голову закралась мысль: может, ему стоит сделать что-то плохое. Что-то неправильное. Что-то, чего он не должен был делать. Он мог бы отомстить им, нарушив эти столь любимые ими вещи, их драгоценные "правила".

В любом случае его накажут, так почему бы не сделать что-нибудь? Зачем избегать этого, если ничто не могло убедить их в том, что он не плохой мальчик?

Поначалу он отгонял от себя эту мысль. Его ужасала мысль о том, чтобы намеренно разозлить Дурслей. Они и так были с ним жестоки, а намеренное неповиновение могло только усугубить ситуацию! Зачем давать им лишний повод ненавидеть его?

Но два дня спустя, когда он снова заперся в своей камере за то, что Дадли похвалили за его

работы, эта мысль вернулась к нему, причем с еще большей силой, чем прежде. Дадли не заслуживал похвалы, а он хорошо работал, почему же его затыкали? Не стоило быть хорошим, он все равно попадал в неприятности.

Помыть посуду, прополоть сорняки, вымыть швабру. Это никогда не заканчивалось. Покрасить забор, постирать, перестать получать оценки лучше, чем Дадли, перестать обгонять Дадли. Что-то всегда было не так. Всегда. Что бы он ни делал, они всегда злились. Они никогда не были счастливы. Они никогда не гордились им. Он был просто уродом и обузой. Он никогда не делал ничего хорошего.

Он был абсолютно сыт этим по горло.

Может быть, я смогу сделать так, чтобы случилось что-то странное. К черту сидение здесь и ожидание того, за что меня накажут в следующий раз. Если я собираюсь стать плохим уродом, я стану плохим уродом!

Гарри пристально посмотрел на руки Дадли и Джона. Он почувствовал, как внутри него что-то зашевелилось. Внезапно с криком они упали с крыши, ударились о нишу над задним крыльцом и скатились с неё на землю. Дадли закричал, вызывая Петунию из дома.

Ободренный успехом, Гарри уставился на голову тёти, пытаясь повторить то, что он только что сделал. Конечно, он почувствовал странное давление внутри себя.

Петуния закричала, и с громким треском разбились все окна в доме Дурслей и все дома по обеим сторонам через четыре дома.

Гарри не удержался и хихикнул. Он всегда считал, что крик Петунии похож на звон разбивающегося стекла, и теперь у него было доказательство!

Вернон выбежал из дома, крича во всю мощь своих легких, Петуния бесполезно кричала, склонившись над своим кузеном-китом, а из соседнего дома прибежала мать Джона, услышав вопли соседки.

В конце концов Дадли - маленький карапуз - указал на крышу, где сидел и хихикал Гарри. Мать Джона вскочила на ноги и сказала: "Этот мальчик зашел слишком далеко, я вызову полицию!"

"Н-нет, Олив, не волнуйся, мы можем его наказать", - запыхавшись, сказал Вернон. Он не хотел, чтобы полицейские приходили в его дом и задавали слишком много вопросов; он не хотел, чтобы они видели шкаф.

Но Олив решительно замотала головой и заявила: "Нет, это дело рук профессионала, он сломал запястье моему мальчику, наставил ему синяков и выбил из него дух! Это преступное поведение! По-моему, срок в Жюиве исправит этот маленький ужас!" Она решительно

побежала в дом за телефоном, а Джон жалобно скулил на лужайке.

Гарри застыл на месте, услышав слова полицейских. Он не ожидал, что их вызовут! Вернон всегда сам справлялся с наказаниями! Но что могли сделать копы такого, чего не сделал Вернон? Они не могли придумать ничего такого, чего не мог бы придумать он. Они никак не могли быть хуже.

Машина приехала через тридцать минут, взревев сиренами, а за ней - карета скорой помощи.

Офицер Линда Паркер была в растерянности. Она смотрела на стоящего перед ней черноволосого мальчика, которому было не больше шести лет. За все годы работы в полиции она ни разу не получала нападения от столь юного человека. Ломание костей всегда было случайностью. Мальчик тоже не выглядел злобным: маленький, маленький и угрюмый. Она глубоко вздохнула. Для работы с детьми-правонарушителями существовали протоколы, и ей просто нужно было им следовать. "Привет, Гарри, я офицер Линда Паркер. Я пришла поговорить с тобой, потому что..."

"Я урод?" спросил мальчик, его резкий, холодный тон противоречил и его лицу, и его возрасту.

Линда моргнула. Это... не то, чего она ожидала. "Что, простите?"

"Я урод". Мальчик повторил, его тон по-прежнему был сердитым и решительным. "Мои тетя и дядя всегда так говорят. Плохие вещи случаются из-за моей ненормальности. Все так говорят. Из-за этого у меня всегда неприятности, и никому до этого нет дела".

Линда сделала мысленную заметку, чтобы потом допросить опекунов мальчика. Назвать маленького мальчика уродом? Это был нехороший знак, он мог все выдумать, но в его голосе было столько злости. Она спокойно ответила: "Нет, я не это хотела сказать. Вы понимаете, что поступили неправильно? Твой кузен мог серьезно пострадать, когда ты сбил его с крыши".

"И что они сделают?" спросил Гарри. "Бросят меня в шкаф? Накричат на меня? У меня всегда проблемы. Я всегда не прав. Так что я могу быть и плохим. По крайней мере, я хоть что-то от этого получаю". Он вызывающе посмотрел на нее. "Так отправь меня подальше. Заприте меня. Это не может быть хуже того, что мне уже пришлось вытерпеть из-за вещей, которые я даже не могу контролировать!" Он нахмурился. "Дадли всегда меня бьет. Пришло время ответить ему тем же".

При любом другом раскладе Линда добавила бы к списку нарушений, совершенных Гарри, "неуважение к авторитетному лицу", но тон ее удержал. Если эта семья издевается над ним - а то, что Гарри только что сказал, было более чем подозрительно, - она собирается бросить их в тюрьму. "Что ж, Гарри, я собираюсь поговорить с твоими тетей и дядей после этого". Она оглядела мальчика с ног до головы. "Тебя переведут во временное учебное заведение для таких же мальчиков, как ты. Ты отправишься туда завтра, это ненадолго и не мешает твоей учебе. Хорошо?"

Гарри кивнул, и Линда могла бы поклясться, что он улыбается.

<http://erolate.com/book/4275/151523>